

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІХ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

с. 27.

3. Пэйвэнь юньфу, Шанхай, 1931, т. 6, с. 4261.
4. Лао-цзы Гуань Инь-цзы Ле-цзы Чжуан-цзы Вэнь-цзы Вэнь-цзы цзунань и (Лао-цзы, Гуань Инь-цзы, Ле-цзы, Чжуан-цзы, Вэнь-цзы, продолжение Вэнь-цзы с толкованиями). Шанхай, 1936 (Серия "Сыбу бэйяо", т. 151), цз. 7, с. 78.
5. Ли Тай-бо цзань цзи, т. 3, цз. 24, л. 206.
6. Китайская классическая проза в переводах академика В.М.Алексеева. М., 1958, с. 149.
7. Ли Губо чакпкун сонджип (1) (Избранные произведения Ли Губо). Пхеньян, 1959 (Серия "Чосон коджон мунхак сонджип", т. 7), т. 1, с. 31.
8. Ли Губо чакпкун сонджип (2), т. 2, с. 128.
9. Цюй Вань цзи (Сборник произведений Цюй Ваня). Пекин, 1953, с. 6.
10. Там же, с. 9.
11. Там же, с. 29.
12. Там же, с. 54.
13. Там же, с. 19.
14. Там же, с. 82.
15. Пэйвэнь юньфу, т. 1, с. 54.
16. Чжуан-цзы цзи цзе (Толкование сборника Чжуан-цзы). Шанхай, 1954, с. 30.
17. Там же, с. 75.
18. Луньюй (Серия "Сы шу цзи чжу", т. 2). Шанхай, 1936, цз.5, л. 66.

М.Б.Кравцова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (на примере поэзии раннего средневековья)

В современном литературоведении, в том числе и в синологии, все большую популярность получает методика росписи текстов и составления частотных словарей.¹ Подобные исследования дают возможность выявить не только лексическое своеобразие каждого конкретного автора, но и особенности всего литературного языка на определенном этапе его развития. В данном сообщении нам хотелось бы поделиться некоторыми наблюдениями над поэтическим языком Китая эпохи раннего средневековья (III-VI вв.), возникшими при составлении и анализе частотных словарей творчества поэтов V-VI вв. Шэнь Юэ и

Сяо Яня. Для сравнения использованы данные по частотным словарям цикла "Девятнадцать древних стихотворений" (гуши) - приблизительная датировка - I-II вв., творчества поэта VIII в. Мэн Хаожаня² и творчества поэтов X в. Вэнь Тинъюаня и Вэй Чуаня.³

Первое, что показали частотные словари, - это удивительно малый объем употребляемой поэтом лексики. Так, поэтический словарь Мэн Хаожаня при общем объеме текстов в 12.823 знака составил всего 2041 иероглиф, Шэнь Юэ - 2054 иероглифов (общий объем - 8394 знака), Вэнь Тинъюаня и Вэй Чуаня - соответственно 2471 и 2082 иероглифов. Любопытно, что сходные цифры дают и древние памятники: первая поэтическая антология "Шицзин" ("Книга песен") - 2600 иероглифов, и философские трактаты "Лунъюй", "Мэнцзы", "Соньцзы", "Чжуанцзы" - соответственно 1400, 1800, 2640 и 2300 иероглифов.⁴ Приведенные цифры настолько близки, что случайное совпадение исключается. Следовательно, в данном случае мы, видимо, имеем дело с особенностями не только поэтического, но и всего литературного языка.

Далее, сравнение частотных словарей позволило наметить, две, на наш взгляд, весьма любопытные тенденции: возрастание по мере развития лирики средней частотности словоупотреблений и выделение группы наиболее употребительных слов, своего рода "поэтических категорий". Так, средняя частотность в "гуши" - 3,02, в "ши" Шэнь Юэ⁵ - 3,76, у Мэн Хаожаня - 6,03. 85% поэтического словаря "гуши" составили слова, встретившиеся 1-2 раза, 1,6% - слова, употребленные свыше 10 раз. У Шэнь Юэ и Мэн Хаожаня эти показатели равняются соответственно 25,5% и 14,5% и 38%, 11,2%. При этом характерно, что у Мэн Хаожаня на II наиболее употребительных слов пришлось 6% всех словоупотреблений.

Что характерно для такого рода "категорий"? Во-первых, максимальная смысловая нагрузка, когда через конкретное явление или предмет окружающей действительности передаются все связанные с ним общекультурные и литературные ассоциации, что отвечает самому характеру иероглифической письменности, ибо иероглифы "не только сами по себе приучали к образному восприятию мира, они располагали... к дискретному мышлению, сосредоточенности на одном...".⁶ Приведем только один пример - нефрит (юй) - один из наиболее часто употребляемых знаков, про который В.М.Алексеев писал: "... для китайца это - эпитет ко всему дорогому, лучшему, как к предметам, так и к отвлеченным понятиям".⁷ В поэзии нефрит, помимо своего словарного значения как драгоценного камня, передавал следующее: 1. изысканность и необычность бытовых реальных, окружавших героев - сочетания типа "нефритовое ложе", "нефритовая чара", "нефритовые ступени"; 2. физическое совершенство человека, его внешнюю красоту - "неф-

ритовая внешность", "нефритовые пальцы", "нефритовые запястья", "нефритовый лик"; 3. моральное или социальное превосходство человека – например, "нефритовые ступни" – знак императора; 4. красивые элементы или явления природы – "нефритовый пруд", "нефритовая трава"; 5. предметы или явления, принадлежащие к сверхъестественному миру – Нефритовая дама (одна из богинь даосского пантеона), "нефритовая настойка" (эликсир бессмертия), Нефритовая застава (Врата, ведущие на Небо).

Данный перечень, разумеется, не полон, но нам важно следующее: одни и те же сочетания нередко оказываются различными по смыслу. Так, "нефритовые ступни" могут относиться и к императору, и к красавице; "нефритовый пруд" означать и просто красивый водоем, и сакральное место. Отсюда неизбежно возникает вопрос, какими критериями пользовался сам поэт, употребляя то или иное слово и сочетания, и каким образом читатель мог определить истинное значение этого слова? И здесь мы сталкиваемся со второй особенностью "поэтических категорий", а именно, с их способностью приобретать диаметрально противоположные значения в зависимости от принадлежности данного текста к той или иной поэтической традиции. Создается впечатление, что китайская лирика четко подразделялась на несколько таких традиций или групп контекстов, причем в основе разделения лежал даже не тематический принцип, а глубинные различия мировоззренческого характера. В настоящее время нами выделены две таких группы: первая – включающая в себя любовную лирику, лирику дружбы и произведения о военных походах; вторая – даосско-мистическая поэзия и пейзажная лирика. Первая группа базируется на традиционной пространственно-временной структуре мира с оппозицией Центр (Чжун) и Даль (Дань), где Центр ассоциируется с собственно Китаем или столицей, а Даль – северо-запад – с "землями варваров".⁸ Вторая группа заимствовала даосскую космогонию, где запад (Даль) представлял собой сакральную часть света. Отсюда сразу же возникает принципиальная разница в значении слов, передающих пространственную структуру. Уже упоминавшаяся выше Даль для второй группы будет означать максимальную удаленность от мира, приближение к сакральному, в целом же, это "чрезвычайно положительное качество, обратное нашему понятию "недалекий".⁹ Для первой – употребляется в резко отрицательном значении чужбины, оторванности от дома. "Дань жэнь" (досл. "далекий человек") – для первой группы – скиталец, странник; для второй – отшельник. Горы и воды – для первой группы передают идею границы между Центром и Далью и, таким образом, оказываются преградой между людьми или человеком и его роди-

ной; для второй – это знаменитые "шаньшуй" – основные элементы природы, передающие красоту и гармонию космоса.¹⁰

К сожалению, объем данного сообщения не позволяет нам привести все необходимые примеры с текстами, поэтому мы позволим себе ограничиться лишь самым беглым перечнем некоторых наиболее существенных знаков, руководствуясь при этом лексикой, выделенной и проанализированной В.М.Алексеевым на материале произведений Сыкун Ту.¹¹

	I группа	II группа
"кун" (пустой)	пустота–одиночество – "пустая комната", "пустое ложе".	пустотность как наивысшая отрешенность от мирского; "небесная пустота"
"ю" (уединенный)	один из синонимов одиночества.	знак, передающий идею сок- ренности, таинственности.
"чэнь" (пыль)	знак ухода, забвения, одиночества.	мирская пыль, передающая идею мирской суеты.
"су" (некра- шенный шелк)	изделия из некрашенного шелка, напр. постельное белье; входит в имя боги- ни Сунюй – покровительни- цы брака.	"элементарность" как осо- бое качество человеческой души, близкое к идее Дао.
"цзя жэнь" "мэй жэнь" (досл. "красивый человек")	красавица, красавец– возлюбленный.	прекрасной души человек

Детерминированность лексики, смысловая зависимость от контекста, с одной стороны, усугубляла традиционность, каноничность китайской поэзии. Но, с другой, не исключено, что именно здесь китайский поэт находил возможности для проявления своей индивидуальности. Сам отбор лексики, придача ей новых оттенков, игра словами, столкновение различных контекстов, овеществление традиционных штампов или, напротив, употребление "чужой" для данного контекста лексики – все это отличает творчество одного автора от другого в значительно большей степени, чем, скажем, выбор темы или описание окружающей действительности.

-
1. Поэт и слово. М., 1973, с. 15-25.
 2. Б.Б.Вахтин. Поэтическое творчество Мэн Хаожаня (рукопись), гл. III.
 3. Е.А.Серебряков. Китайская поэзия X-XI веков (жанры "ши" и "цз"). Л., 1979.
 4. Chow Tse-tsung. The early history of the Chinese word Shih (poetry) - Wen-lin, Studies in the Chinese humanities, L., 1968, p. 152.
 5. Здесь приводятся данные только по произведениям в жанре "ши" (стихи), т.к. в "юэфу" (песни) Шэнь Юэ картина несколько иная, что, видимо, отражает их сущность как подражаний древнему песенному творчеству - см.: М.Е.Кравцова, "Некоторые лексические особенности авторских юэфу поэтов Юнмин". - Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1984, ч. I, с. 113-119.
 6. Т.П.Григорьева. Японская художественная традиция, М., 1979, с.5.
 7. В.М.Алексеев. Китайская литература, М., 1978, с. 153.
 8. Подробно о пространственно-временной структуре мира в древнем Китае см.: Ю.Л.Кроль. О концепции "Китай-варвары". - Китай: общество и государство. М., 1973, с. 13-27; он же. Пространственные представления в полемике ханьских мыслителей (по материалам трактата "Янь те лунь") - Общество и государство в Китае (тезисы и доклады). М., 1975, ч. I, с. 117-128; А.С.Мартынов. Дальние в системе "чаогун" - ПИ и ПИЧВ, ИУ. Л., 1968, с. 58-60; он же. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. - НАА, 1972, № 5, с. 72-82.
 9. В.М.Алексеев. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. Пг., 1916, с. 217-218.
 10. Характерно, что эти два знака в "гуши" практически не встречаются.
 11. В.М.Алексеев. Ук.соч.

Е.Г.Куцубина

ОБ ОДНОМ ПЕРЕВОДЕ М.ЗОЩЕНКО НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

В декабре 1974 года в турецком юмористическом еженедельнике "Гыргыр" (букв. "трёп"), выходящем в Стамбуле, в рубрике "Самые смешные рассказы на свете" был опубликован рассказ Михаила Михай-